

О, глубина богатства и премудрости Божія, яко не испытани судьбы Его и не изслѣдимы путіе Его, яко изъ Того, Имъ и къ Нему всяческая. Тому слава во вѣки. Аминь (Римл. 11, 33—36).

Рѣчь, сказанная Преосвященнымъ Никаноромъ, при погребеніи Орловскаго Городекаго Головы Николая Ивановича Чибисова, 27 марта 1901 года.

Внезапность кончины почившаго невольно побуждаетъ повторить священное слово церковное, какъ бы говоримое самимъ почившимъ: *Зряще мя безгласна и бездыханна предлежаща, восплачите о мнѣ братіе и друзи, сродницы и знаеміи, вчерашній бо день беспыдовахъ съ вами и внезапно найде на мя часъ смертный...*

Да, весьма поразительна внезапная смерть, особенно столь горькая, какъ смерть почившаго, поразившая столь многихъ и такъ глубоко повергшая въ великое горе и тоску всѣхъ близкихъ къ нему и всѣхъ столь высоко цѣнившихъ его! Однако внезапность кончины вовсе явленіе не рѣдкое.

Тѣло наше устроено столь тонко, что въ немъ самыя вышія отправленія совершаются чрезъ самыя тончайшія нити. Таковы, напр., кровеносныя жилы, нервныя волокна, особенно истонченныя въ центрѣ нашего тѣла—главѣ. Достаточно порваться одной изъ этихъ нѣжныхъ нитей—и вотъ неизбежна кончина человѣка, хотя бы онъ былъ могущественный. Еще того тоньше душа. Ея явленія бывають столь сильны, что не рѣдко человѣкъ въ психическомъ волненіи умираетъ какъ бы отъ удара. А ударъ этотъ можетъ быть самымъ малымъ: не закроется онѣмъвшій клапанъ сердца, остановится на минуту біеніе сердца и вотъ слѣдуетъ смерть.

Но что такое смерть? По обычному опредѣленію: это разлученіе души отъ тѣла. „Такъ какъ человѣкъ, принявши образъ Божій, не сохранилъ его, поэтому, чтобы зло не было безсмертнымъ, Богъ повелѣлъ (по чело-вѣколюбію) прерваться союзу (души и тѣла), прекратить ему по волѣ Божіей и разойтись: тѣлу разлужиться въ то, изъ чего оно составилось, а душѣ возвратиться туда, гдѣ она получила свое бытіе, чтобы она и пребывала тамъ до общаго воскресенія“. Такъ опредѣляется существо смерти въ молитвѣ на разлученіе души, совершаемой надъ тѣми, въ комъ этотъ процессъ совершается медленно, въ мучительныхъ страданіяхъ. Почему и молятся тогда Господу, говоря: „да отъ тѣла разрѣшеніе въ упокоеніе сотвори ми отъ нестерпимыхъ болѣзней“. Въ другихъ молитвахъ того же чина отъ лица болящаго говорится: „нынѣ время жизни моей пронеслось какъ дымъ. Вотъ предстали ангелы ищущіе безъ пощады взять грѣшную мою душу. Кто теперь услышитъ плачь мой, кто приметъ воздыханіе сердца моего? Возлюбленные мои! Воспомявая вашу дружбу, помолитесь за меня Христу, чтобы Онъ милостиво возрѣлъ на меня злополучнаго, въ мукахъ лишашающагося жизни. Плачьте о мнѣ и рыдайте ангельскіе соборы и люди Христолюбцы, ибо тяжело душа моя разлучается отъ тѣла. Молчатъ уста мои, связанъ мой языкъ, померкъ свѣтъ въ очахъ моихъ, ночь покрыла меня. Съ болѣзнію душа моя разлучается отъ грѣшнаго тѣла. Какая будетъ польза мнѣ, если душа моя будетъ ввержена въ муки, а тѣло будетъ отпѣто вами. Оставьте его не погребеннымъ; пусть псы съѣдятъ сердце мое. Тогда быть можетъ мимоидущіе странники, видя кости влекомыя отъ псовъ, умилившись воззовутъ о душѣ моей: Владычице! помоги душѣ грѣшнаго тѣла

сего! Мати
не преклони
нашего исто
какъ заключ
Не вспомни
ни апостоли
я одинъ тер
и рыдайте
всѣ адскія
горькія муч

Вотъ
ющій не вд
думать и во
открывается
смерти? То
тію чувству
мощность,
тѣломъ и с
ее бытіе. С
литвы родн
святыхъ, п
чистой Бог

Особен
Пр. Дѣры

„Уста
вѣщаетъ: г
на меня, М
видѣвъ Теб
застигла м
страшна м
Да путево
Мать чело
вая кротки

сего! Мати Христа, какъ Ты забыла меня, какъ Ты не преклонила на милосердіе Того, Кто для спасенія нашего источилъ кровь изъ ребра Своего? Увы мнѣ, какъ заключилось милосердное сердце Христа моего? Не вспомнить обо мнѣ Богъ, ни Ангелы, ни пророки, ни апостолы, ни мученики и всѣ праведники. И буду я одинъ терпѣть то зло, которое я уготовалъ. Плачьте и рыдайте дно ада и бездна, горы и тартаръ; стоните всѣ адскія муки. Одинокъ я изъ христіанъ ведуся на горькія мученія“!

Вотъ какими горькими муками скорбитъ умирающій не вдругъ, но имѣющій время и возможность подумать и почувствовать о своей кончинѣ. И что же открывается изъ этого наивысшаго и наилучшаго рода смерти? То, что и умирающій самою естественною смертію чувствуетъ при концѣ своемъ полную свою безпомощность, тяжелую въ процессѣ разставанія души съ тѣломъ и страшную во исходѣ души въ дальнѣйшее ее бытіе. Одна, одна только остается надежда на молитвы родныхъ и знаемыхъ, а особенно на молитвы святыхъ, преимущественно же на предстательство Пречистой Богоматери.

Особенно трогательны эти призыванія на помощь Пр. Дѣвы въ канонѣ на исходѣ души.

„Уста мои молчатъ, языкъ не говоритъ, но сердце вѣщаетъ: губительный огонь горитъ внутри меня. Призри на меня, Мати Божія, и, милосердая, посѣти меня, да видѣвъ Тебя, отойду изъ тѣла радуясь. Смертная ночь застигла мя не готовымъ. Мрачная и безлунная она страшна мнѣ не приготовившемуся къ долгому пути. Да путеводитъ меня Твоя милость, Владычице. Какъ Мать человѣколюбца Бога, Мать всѣхъ человѣколюбивая кроткимъ и милостивымъ Твоимъ окомъ взгляни,

когда душа моя разлучается отъ тѣла, да преслаблю Тебя, Святая Богородице, во вся вѣки“.

Все это не было читаемо предъ усопшимъ нашимъ братомъ, да и тѣ, предъ коими читается все это на смертномъ ихъ одрѣ, по скольку чувствуетъ это, въ виду тяжести болѣзней и силъ скорбей умирающихъ?!

Посему, братіе, сродницы и знаеміе почившаго, поймите страшное и безъисходное положеніе умершаго внезапно и молитесь усердно: да пощадитъ его Господь, яко благо и человеколюбецъ! По чувству христіанскаго единства во Христѣ, Главѣ Церкви, мы все едино тѣло, единъ духъ. А потому и все страданія души брата нашего о Христѣ должны быть для насъ, какъ наши собственныя душевныя страданія. А братъ нашъ Николай имѣетъ и особыя заслуги предъ нами, чтобы мы молились. Онъ былъ Главою града нашего, мысли и думы его посему всегда были о насъ, о многообразныхъ нуждахъ и обстоятельствахъ нашихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, и онъ былъ подъ главою. И это главенство онъ чтить такъ примѣрно, что даже смертный часъ не остановилъ его для выраженія благоприличія чести.

Цѣнное всегда почтеніе въ чиновначаліи оно особенно драгоцѣнно въ наши дни, когда такъ много явилось противодѣйствующихъ этому великому началу жизни, именуемому начальствомъ, какъ началу всехъ началъ добра и порядка, особенно пріятнаго тамъ, гдѣ при обширности земли и обиліи ея мало порядка.

Основываясь на этомъ добромъ свойствѣ почившаго, мы полагаемъ, что въ душѣ своей онъ соотвѣтственно чтить и Господа Господей, Царя всехъ, царей—Бога. А потому отъ всей души и всего сердца молимъ Бога, Пречистую Владычицу Богородицу, св. Чудотворца Николая, земнаго на небесахъ предстателя почившаго и его

Ангела, да праведныхъ стивомъ су въ маломъ Вниди въ

Письмо гра

Прочи
ніе Синода
Льва Нико
писей паст
остаться к
годованію
нія того,
мой: это в
человѣчск
кромѣ Бог
Но съ точ
лежу и от
дана Хрис
всѣхъ знач
рожденій,
скихъ...—
любви, все
щимъ наст
для меня

Оно в
Вѣдомосте
бовъ и со
такія изья
Не м
мною отъ

Ангела, да упокоитъ Господь почившаго въ селеніяхъ праведныхъ и да речетъ ему на праведномъ и милостивомъ судѣ Своемъ: добрый рабе, благій и вѣрный, въ маломъ ты былъ вѣренъ, надъ многимъ поставлю тя. Вниди въ радость Господа Бога твоего. Аминь.

Письмо графини С. А. Толстой къ Митрополиту Антонію.

Ваше Высокопреосвященство.

Прочитавъ вчера въ газетахъ жестокое распоряженіе Синода объ отлученіи отъ церкви мужа моего, графа Льва Николаевича Толстого, и увидавъ въ числѣ подписей пастырей церкви и вашу подпись, я не могла остаться къ этому вполнѣ равнодушна. Горестному негодованію моему нѣтъ предѣловъ. И не съ точки зрѣнія того, что отъ этой бумаги погибнетъ духовно мужъ мой: это не дѣло людей, а дѣло Божье. Жизнь души человѣческой, съ религіозной точки зрѣнія—никому, кромѣ Бога, невѣдома и, къ счастью, не подвластна. Но съ точки зрѣнія той Церкви, къ которой я принадлежу и отъ которой никогда не отступлю,—которая создана Христомъ для благословенія именемъ Божьимъ всѣхъ значительнѣйшихъ моментовъ человѣческой жизни: рожденій, браковъ, смертей, горестей и радостей людскихъ...—которая громко должна провозглашать законъ любви, всепрощенія, любовь къ врагамъ, къ ненавидящимъ насъ, молиться за всѣхъ,—съ этой точки зрѣнія для меня непостижимо распоряженіе Синода.

Оно вызоветъ не сочувствіе (развѣ только Моск. Вѣдомостей), а негодованіе въ людяхъ и большую любовь и сочувствіе Льву Николаевичу. Уже мы получаемъ такія изъясненія и имъ не будетъ конца отъ всего міра.

Не могу не упомянуть еще о горѣ, испытанномъ мною отъ той безсмыслицы, о которой я слышала рань-